

Прощай, Тамань?

Все эти господа не прочли и четырёх книг за свою жизнь.

Стендаль

Тем, кто поклоняется своей национальной историей и культуре, защищает ее, кто не смиряется и с «государственной необходимостью» наступать железной ногой на святыни, кто с умом прочитал горы книг и усвоил достоинство родной и мировой культуры, все время приходится «обращаться за помощью», посылать письма «ответственным товарищам», которых еще в XIX веке так хорошо разглядел Стендаль. Да, писать, объяснять и умолять, порою благодарить за случайную мизерную поддержку. Это хорошо, если они родились там, где ты защищаешь, и немножко сочувствуют пенатам. А если они чужие? На Кубани все меньше аборигенов, кубанских казаков и адыгов, казачество за годы советской власти растаяло и живет незаметно, само себя не осознавая, и куда ни пойдешь - начальство почти всюду приезжее. Они нагнали себе гнёздышко на юге, возле моря и гор, у тихих речек, в городах и станицах, не нарадуются (о, куда они попали!), часто произносят в тостах «богатая земля», но сама историческая земля эта для них не святая, и все воспоминания коренных жителей о праотцах и порядках ни о чем их душам не говорят, родных слез не вызывают, святые кубанские даты, славные герои забытыми не кажутся - в сознании одна курортная пустота!

Эти господа, понастроившие на плодоносных кубанских землях и на горных холмах особняков, даже в острые мгновения истории не чувствуют себя русскими, хотя в анкетах механически пишут это слово.

Много народов оккупировало Тамань под временное кочевье. Аланы, греки, хазары, генуэзцы, турки. Обрели и укрепили приморский угол запорожцы. Но вот наскочили, выявились новые невиданные захватчики, и национальность у них особая: хищники, воры, предатели.

Началось это после переворота в 1991 году.

Последние прихвостни социализма в одну ночь стали созидателями капитализма. Стало не страшно выгребать из личных сейфов тайные накопления, отсчитывать взяточные суммы за всякие подписи и штампы, выкупать у бабушек или нарезать от колхозов огороды и завозить туда итальянский кирпич для дворцов. В Темрюке и по окрестностям стали возникать памятники; единственные по назначению в новейшей истории: внутри можно спать, завтракать и обедать, справлять нужду и принимать равных себе по богатству гостей. История, возможно, не забудет, как идейно переодетые советские татаро-монголы не из диких степей, а из вчерашних номенклатурных кабинетов вторглись на родную землю с мешками украденных денег и вонзили копы в 629 гектаров.

И на земле таманской, на последней пяди Киевской Руси, затеяна была к 200-летию высадки запорожцев грандиозная стройка терминала «Темрюкнефтегаз».

Большие деньги потекли в терминал.

Они и потопили все. Газеты были подкуплены в первую очередь. Заголовки статей задавили упреком патриотов Тамани, выходивших на митинг протеста. «Уникальный шанс», «Для производства и людей», «Чисты их помыслы», «Выйдем ли мы из пещеры?». В Тамань с неба спустились одни благодетели.

«Мы все еще бедны. А деньги пойдут школам и больницам, на строительство жилья и помощь малоимущим. И это деньги, которые пока что горят вместе с газом в тюменских факелах».

А ведь знали, что больше всего денег пойдет не на благотворительность, а в собственный карман. Миллионы! Бухгалтерия добра была обманом с самого начала.

Но какими словами закидали народ:

«Выйдем ли мы из пещеры?». «Считаю, что если народ не стремится к прогрессу, он обречен».

«После поездки в Финляндию я возвратился в нашу станицу к нашей печальной действительности, к нашему быту и укладу жизни, словно в пещеру, словно в каменный век»*

«Слушаю тех, кто на каждом углу кричит; мол, терминал - это катастрофа, и думаю, что мы или лишены способности к простому анализу, или не хотим видеть жизнь такой, какая она есть:

«мы отстали во всем, и по укладу жизни отброшены назад по сравнению с цивилизованным миром на добрую сотню лет. Нам не надо бояться прогресса, когда-то надо начинать, Финляндия, к примеру, была самой отсталой окраиной Российской Империи, а сейчас на нашем сырье разбогатела, жизнь сумела построить на зависть... »

(В. Швацкий, главный врач Таманской участковой больницы.)

«О каком здравоохранении может идти речь, если у нас в больнице не на чем приготовить больным обед? » (Он же.)**

«Не оскудеет рука» - заголовок похвальной статьи о терминалистах «Темрюкнефтегаза». «В сущности, именно с благотворительной деятельности и начал свое становление филиал «Темрюкнефтегаз».

Да, починили крышу Покровской церкви. И настоятель о. Павел, приехавший в Тамань из Белоруссии, горячо защищал идею терминала.

«Разве терминала надо бояться, разве от него беда исходит? Не это страшно, а то, что пустота коснулась душ человеческих, что скверна разъедает сердца людей, и живут они теперь без божьего*** благословения, без Божьей благодати, без душевного успокоения и неповторимого чувства возвышенности и благочестия.

...Так не это ли страшнее терминала? Кстати, люди верующие к будущему строительству относятся с пониманием и верой. На все воля божья. По заветам Господа нашего любое деяние, направленное на благо людей, дело богоугодное.

...И, пожалуй, по-настоящему ощутимую помощь получаем от «Темрюкнефтегаза», который начал свою деятельность с благотворительности. Люди, работающие там, внушают доверие чистотой своих помыслов. Поддержим их, дорогие соотечественники. Храни вас Бог!»

А жители протестовали, собирались на площади. Грешно противоречить святым отцам, их византийской политике, но все-таки слова батюшки о пустоте душ наших, о жизни без Божьей благодати невозможно было отнести к тем воротилам, которые уже грели руки на разворачивании терминала. Вера в Господа не дала батюшке прозорливости. На святую Тамань, через которую, по преданию, проходил святой Андрей Первозванный и где преподобный Никон «поставил церковь Пресвятыя Богородицы...», наступала гадость атеистов. Грустно глядит с небес душа святого Никона. Кто же растаптывал национальную культуру, резал на куски исторические скрижали? Не бывший пастух, выступавший на митинге. Не бывший директор школы. Господь все видел: это главный врач, это бывший директор совхоза, по-хански водрузивший палаты при въезде в станицу, и: и... прочие коммунисты, боровшиеся с Богом и «антисоветскими настроениями» и быстро устроившиеся после августа в рыночной продажной системе. Так с кем же батюшка? С народом, который он окормлял молитвой, или с ними, не умеющими сложить для молитвы персты? Терминал - бесово-чернобыльское деяние на последнем клочке Киевской Руси (после отпадения Украины). Меня не удивляют бухгалтеры ельцинской поры, спецы разных мастей, начальники с деревянной душой. Мою душу клонят к печали пастыри, историки, писатели, музейщики, мотивом всей жизни которых должны звучать слова Господа: «...и не хлебом единым жив человек... » В этом их миссия - служить духу, истине, красоте, памяти о «воде протекшей». Хозяева будут обещать золотые горы, ковырять землю - что с них взять? Но мы-то не можем осенить благословением склад и хозяйственные дворы, поставленные на древних могилах. Иначе... для чего мы существуем?

* * *

Некоторые простаки тотчас поверили в блага земные и захлопали в ладоши. Простаки - это великое горе в любой земле. В революцию они подхватывают лозунги «земля крестьянам» и не могут представить, что землю отнимут. Простаки пошли за Ельциным, не понимая, что такой ухарь погубит страну.

Попалось на удочку и расхваставшееся своим возрождением казачество. Что вдруг стряслось с потомками запорожцев? Кишка тонка в борьбе с басурманами? Перевелись писари и некому составить складное письмо турецкому султану в районе? Ну и казачество... Топнули бы чугуном: не допустим этой нефтегазовой гадости! не дадим пакостить нашу землю! И то ли намяли им чубы демократических девчат, то ли затагнули в корчму и напоили зомбированной горилкой - скисли казаки, сделались мягкими, как телятина. Не радо ли обогащению за счет угнетения таманской святыни и верховное казачество? Помалкивали вожди. Наказной атаман Бабыч открыл в 1908 году Тузлянку грязелечебницу - для здоровья казаков; терминал принесет смрадную заразу - и все большие и малые атаманы при царе Ельцине отвели очи. Историю-то свою надо любить не

только по торжественным дням. Так? На пассажирских автобусах примчались бы казаки в Темрюк, оцепили дом «Нефтегаза» и устроили им такой погром, о котором краеведы XXI века писали бы наперебой как о схватке за святые углы праотцов.

Авантюра как-то незаметно прикрылась, исчезла куда-то громоздкая техника, закрылась контора, все вроде кончилось.

Вдруг появились новые татаро-монголы - фирма «Тольятти-азот». И все те же речи: «Через два года вы Тамань не узнаете».

Нынче почти все воротили - академики, доктора наук, президенты, авторы самодельных книг. И те же журналисты обслуживают их. Одни и те же газеты.

В 2002 году загремело на Тамани странное имя: Махлай!

Послушайте, что он сказал. Они все, как заводные обезьянки. «Жить так, как живет сегодня Тамань, в XXI веке стыдно».

Пришел радетель земли таманской, правда? Да, снова пришел какой-то в доску родной человек, заботливый и чуткий. Наверное, уже на другой день прямо от стыда сгорел: как бедно живут люди! надо помочь. Устроит коммуникации, возведет зерновые терминалы, и тогда, «уверяю вас, на Тамань пойдут инвесторы. И подумать только: «приняли на работу больше ста жителей». Это Махлай назовет «новыми рабочими местами». О, что еще будет! «Появятся курортные базы, санатории и туристические комплексы. Через два года берег будет другим: прекрасные дороги, санатории, прогулочные катера и обустроенный берег. Это другая жизнь».

Все поняли? «Другая жизнь». Другая! Сытая, богатая, удобная. Кто против? Махлай пришел! радуйтесь! Он ведь еще в Тольятти понял, что «потомки казаков, высадившиеся здесь, заслуживают другой жизни». Другой, слышите? Сытой, богатой, как у самого Махлая. «Развивать социалку» - великая цель Махлая. «Приезжайте на Тамань через два года, - повторял он всем газетам, - и вы ее не узнаете».

«Я открыл для себя Тамань, познакомился с ее историей, прочитал библиотеку книг. И очаровался, влюбился в этот уникальный уголок земли». Наконец-то в окрестностях Тамани после преподобного Никона, Палласа, Лермонтова, Пушкина, Дюбуа де Монпере, Сумарокова и других путешественников появился богатырь, который, наверное, построит дом и будет жить здесь, работать и украшать великую землю. Сам батко Кондратенко благословил его на немокрое дело. Так говорят.

Я выпячиваю Махлая, а виноватых-то пруд пруди.

Не через два года, а через три увидел я Тамань.

И не узнал!

Какие исковерканные мы люди, русские! Какое у нас повсеместное пустое, исторически неграмотное, скачущее по мероприятиям начальство, как оно не любит читать книги и терпит культуру кик вынужденное зло! Почему они такие? где они родились, где живут и будут умирать? Или они уедут (а то и удерут от возмездия) в Англию, в Австрию, в Швейцарию? Ты им скажешь:

как загадили Тамань! уничтожили ее тихий облик! Они разведут руками, удивятся, опозорят вас: как?! да вы гляньте! гляньте, какие дома выросли! какой базар! спуск от каменного Антона Головатого выложен плиткой! Вам бы только критиковать.

И это русские люди?

Тамань уже сейчас похожа на проходной двор, а что будет дальше?

Чужие люди, натаскавшие в карман денег, захватывают прибрежные земли, выгодные усадьбы, строения, реликтовые исторические углы. Вдоль дороги у Сухого озера почти до самой трехэтажной гостиницы, которую тоже кто-то купил, поставлены каменные дома. Кто дал разрешение? Кто из комитета охраны памятников проспал или за взятку позволил своей подписью губить историческую примету Тамани? «Да оно уже все озеро продано! - говорят мне жители. - Застроят. Все».

От площади, сбоку от которой стоит на высоте памятный танк, хороший вид открывался на озеро и белые камешки домов на горизонте. Теперь на месте бывшего некрополя - белые торговые ряды ларьков. Вместо почты - магазин. От лермонтовского музейного подворья внизу по берегу - новые рестораны. Покупался, выпил, закусил, «оторвался». Чьи рестораны? Темрюкских господ? Пристань (на государственной-то границе) отдана в частные руки. Генеральный план застройки Тамани никто не отменял, но он уже нарушен, растерзан вольностью богачей. От вековой древности скоро ничего не останется. Даже берег, последнее напоминание о Тмутаракани, будет загажен «индустрией туризма». С некоторых пор буквально взбесились этой никчемной идеей... «индустрии туризма!» Не сберечь ни одного спокойного клочка старой земли, все застроить ларьками, пивными, забегаловками, игорными домами, качать, качать деньгу, обещать народу блага «и новые рабочие места», допускать беспредел, раз и навсегда засорить грохотом и шумом редкую приморскую тишину и т. п. - вот мечта хозяев новой жизни!

- Разрушено, - говорит почетный гражданин Темрюка, бывшая заведующая музеем Тамани, - во время строительства железной дороги под Таманью одиннадцать древних захоронений, четыре селения.

И никому не докажешь, что плохо, гадко - не чувствовать заповедной драгоценности родной реликтовой стороны.

* * *

В середине XIX века 300 верст казались великим расстоянием для путешественника, и некто В.Ф. Золотаренко из станицы Васюринской мечтал осчастливить себя именно путешествием. Что же это был за конечный пункт? Дневничок, почти никому не известный, прозябающий в архиве, раскрывает нам возвышенную тайну: «Увижу ли я Тамань, так давно желанную? Да и можно ли не желать увидеть местечко, обильное достопамятностями не для одной только Черномории, а и для всей отечественной истории! Не занимательно постоять на возвышенности, там, где два моря соединяются вечными узами, там, где взор роскошно не знает, на чем ему остановиться, не отрадно ли покупаться в море; не приятно ли побывать в Керчи, в Крыму:

Три дня проскучавший в Тамани Лермонтов не мог вообразить себе, что в «скверный городишко» многие десятилетия после него будут стремиться в томлении самые разные люди (чаще всего не писатели, а простые смертные). Что же витает над этой Таманью и что в ней самой прекрасного и магнитного? Вроде бы ничего такого.

Все, что век за веком видели скифы, греки, меоты, хазары, адыги, славяне, половцы, монголо-татары, венецианцы и генуэзцы, турки, запорожские казаки, что описали путешественники - Челеби, Ферран, Паллас, Дюбуа де Монпере, Ян Потоцкий, Сумароков, Сбитнев, Герц и др., - давным-давно переменилось, развалилось, исчезло. Что же чудесного в Таматархе-Матархе-Тмутаракани, Матриге-Тамани? Не знаю. Почему-то хочется гадать о ней, цитировать каждый листочек, наивно надеяться, что в нынешнее лето археологи найдут у обрыва что-то редкое, а где-то в архивах до сих пор обиженно ждет чью-то счастливую руку ветхая рукопись о Тамани.

«Вспоминай дни древние и ищи в них поучения... - напоминал в Тамани в 1911 году при открытии памятника казакам архиепископ Агафадор. - Как сохраняем мы во святом предании прохождение с проповедью о Господе нашем Иисусе Христе через нашу Тамань в нынешний град Киев святого апостола Андрея Первозванного, так свято храним память о запорожцах...»

* * *

Мне говорили «мудрые люди», те, которые уже не верят в малейшую справедливость: «Зачем писать? Куда писать? Все бесполезно. Сейчас на кону только деньги, они всем правят. В обществе упразднено понятие о совести, правде, достоинстве, благородстве. Кругом жулики и воры. Концов не найдешь. Никому не нужна история с поучением Владимира Мономаха. Смотри, даже патриарх не поехал в Тамань; ему и его иерархам в голову не пришло спасти святую Тамань. Их душе ближе дачи Дивноморска, который, кстати, назывался... Фальшивый. Геленджик. Вот туда устремились святые отцы. А Тамань зачем им? А уж что говорить про чиновную номенклатуру, которая, отправляясь в отпуск, запикивает в портфель сотни тысяч. Или эти драные депутаты! Тоже стотысячники. Они чихали на все; они хапают, строят дома на самых святых пядях русской земли, лечатся за границей... Тамань! Да они ее уже продали! И никто горло драть не будет. Таманцы молчат, им тоже не до истории. Казаки перевелись».

Но я писал когда-то «Осень в Тамани» не для того, чтобы получать престижную премию «Ясная Поляна» им. Л. Н. Толстого. Очень приятная премия, горжусь ею. А не Толстой ли оставил нам вечный припев благородной души: «не могу молчать»?

Все молчат. Все между собой обсуждают, но никто наперед не вылезет. Боятся. Последнее отнимут. Где же эти свистуны-поэты; соловьями распевавшие у памятника Лермонтову и на вечерних банкетах, «с поникшею главой» стоявшие перед святынями древности, что же они в невыгодный теперь миг потеряли зычный голос, забыли свои клятвы любви, хмельные речи «о благословенной земле предков»? Стоят в гараже или проданы за бесценок советские автобусы, возившие бесплатно в парадные осенние дни литературную братку туда-сюда, нет выгоды перечить богатому начальству и воротилам бизнеса, лучше попросить при случае денежек на очередной опус,

а Таманью сыт не будешь? И где патентованные с советских годов охранники старины, все эти дамочки с накрученными прическами, назначавшиеся за согнутую верность власти социалистической и почему-то уцелевшие после ельцинского переворота под властью новой? А где нарядные казаки? Все молчат - как будто выехали из родной страны в долгую командировку и оборвали с домом связь. А эта... как ее: интеллигенция? Интеллигенции хватает только на то, чтобы после купания в заливе или экскурсионной дегустации на винзаводе зайти, нагнув голову в дверях, в странную хату Царицыхи и промычать себе под нос: «Мда-а, ни ванной, ни туалета, а жили же - с у-ума сойти...»

* В этой пещере оратор тотчас начал строить себе большой особняк.

** Не дожил до строительства жизни «всем на зависть», погиб в автокатастрофе, но память о нем в станице осталась: в виде огромного шикарного дома, построенного непонятно на какие доходы; возможно, и он подолгу оставался без обеда и так сэкономил...

*** «божьей...» - именно так пишет газета, именно в безбожной советской традиции - с маленькой буквы «б».